

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-го**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

СЛЕД НА КАБАНЬЕЙ ТРОПЕ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке
Алексея Дурасова

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 След на кабаньей тропе / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202023-0

За короткое время на Псковщине от рук неизвестного преступника погибают сразу несколько человек. Среди них — второй секретарь горкома партии и местный участковый. Расследование этого громкого дела поручено майору милиции Павлу Звереву и его помощнику Вениамину Костину. Сыщики выясняют, что погибшие были фронтовыми товарищами и в мирное время иногда встречались, чтобы вместе поохотиться. Кому же могли насолить ветераны? Или это диверсия против партработников? Зверев отрабатывает одну версию за другой, пока не сталкивается с новым, тщательно замаскированным страшным преступлением...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202023-0

г. Псков, послевоенные годы.

Сегодня в столовой авторемонтного завода было многолюдно. Отстояв длинную очередь, Павел Васильевич набрал полный поднос еды, расплатился и занял одно из свободных мест возле кассы. Рядом со Зверевым, ссутулившись, сидел, поедая суховатый шницель с перловкой, хмурый скуластый мужичок в засаленной куртке, тут же напротив устроились две полноватые тетки в синих халатах. Женщины ели лапшу и при этом с набитыми ртами довольно бурно обсуждали вышедший недавно на экраны страны художественный фильм «Алитёт уходит в горы»¹. Мужик в куртке ел молча и то и дело бросал косые взгляды то на словоохотливых «да-

¹ «Алитет уходит в горы» — художественный фильм 1949 года, поставленный по одноименному роману Тихона Семушкина.

мочек», то на восседавшего за столом Зверева, поедавшего грибную солянку. Когда Павел Васильевич доел свой суп и взялся за оладьи, он вдруг услышал какой-то непонятный шум.

Обернувшись, Зверев увидел своего подчиненного — молодого оперативника Веню Костина. На груди у парня висел огромный морской бинокль в кожаном футляре, на боку болталась брезентовая сумка с ярко-красным крестом на клапане. Вид у парня был явно растерянный, он тяжело дышал.

Шагая между столами, Костин постоянно вытягивал шею и вертел головой. Он кого-то искал, при этом бубнил что-то под нос, беззвучно шевеля губами. Кого ищет Веня, догадаться было нетрудно, но Зверев и не думал окликнуть парня. Он все так же молча ел оладьи, сдерживая лукавую улыбку. Веня налетел на какой-то столик, едва не снеся с него посуду, извинился перед дамочкой, миску которой он едва не разбил, и наконец-то отыскал взглядом Зверева. Веня тут же бросился к его столу, оборвав на полуслове словоохотливых киноманок — соседок Зверева.

— Пал Васильевич, ну наконец-то тебя нашел!

— Не пойму я что-то. Ты в дальнее плавание собрался или на курсы санитаров? — усмехнулся Зверев.

— На место происшествия я собрался! Бросай все и поехали! Дело срочное!

Зверев и глазом не повел.

— Не видишь? Я ем...

— Потом поешь, у нас чепэ! — Буквально выкрикнув это, Костин схватил с подноса стакан с компотом и опустошил его наполовину. Тут уже Зверев возмутился.

— А ты не обнаглел, Венечка? А ну оставь в покое мой компот! Хочешь пить, становись в очередь и на кассу.

Костин, который терпеть не мог, когда его называли Венечкой, на этот раз вовсе не обиделся, а схватив освободившийся по соседству стул, подсел к Звереву.

— Не нуди, Василич! Говорю же, у нас чепэ!

— Уж не знаю, что там у вас случилось, но, если ты сейчас же не оставишь в покое мой компот, я тебя этим же стаканом по голове тресну! А потом косточки от абрикосов твоим лбом колоть стану...

Услышав столь необычную угрозу, соседки Зверева тут же напрочь забыли про «Али-тета» и его горы и моментально закрыли рты. Скуластый мужичок поперхнулся, еще сильнее ссутулился и притянул поближе свою тарелку. Костин же, судя по всему, совсем не испугался:

— Ладно-ладно! Треснешь, конечно! И косточки абрикосовые поколешь, только потом! А сейчас бросай все — и поехали! Все уже в автобусе, ждем только тебя!

Зверев и не думал отрываться от еды.

— Кто это — все? — спросил майор, с явным раздражением макая кусочек оладьи в сметану.

— Оперативно-следственная группа! Говорю тебе: у нас убийство всесоюзного масштаба!

— Так уж и всесоюзного?

— Всесоюзного! Думаешь, я шучу?

Зверев взял опробованный Веней компот из сухофруктов, поморщился и отодвинул его в сторону.

— Так я же не вхожу в состав вашей дежурной группы? Я вообще-то...

— Теперь входишь.

— С чего это?

— Так Корнев решил.

Зверев фыркнул и, скорчив кривую улыбку одной из пляющихся на него толстушек, снова посмотрел на Костина:

— Да что ты говоришь? Корнев так решил? А у меня он спросил? Хотя... Что там у вас... убийство?

— Убийство!

— Всесоюзного масштаба?

— Точно!

— Ну тогда само собой! Как же тут без меня?

Зверев все-таки допил свой компот, съел лежавший на дне стакана абрикос и выплюнул косточку в тарелку. Он снова посмотрел на соседок, которые все еще глазели на него, и Зверев не мог понять, обрадованы ли они тем, что он не выполнил свою угрозу насчет косточек, или нет, и снова уставился на Костина.

— А без меня что... совсем никак? А то у меня планы...

Веня вскочил и прокричал на весь зал:

— Да какие, к черту, планы, Василич! Начальник рвет и мечет! Ты хоть знаешь, кого убили?

Зверев тут же нахмурил лоб.

— Ты чего орешь? Совсем уже...

Опомнившись, Костин глянул по сторонам и увидел целую вереницу перепуганных посетителей, которые тут же перестали жевать и уставились на их столик. Веня пригнулся к Звереву и прошептал так, чтобы только тот его слышал:

— Убит Войнов! О случившемся уже доложили в Москву! Корнев в отчаянии! Начальник главка в бешенстве! От нас требуют хотя бы первичную информацию, а мы тут с тобой компоты распиваем!

Зверев цокнул языком.

— Войнов, говоришь, убит? Второй секретарь горкома? Да уж, тут и впрямь дело нешуточное! А чего же вы тогда резину тянете? Отправлялись бы без меня, а я бы позже подъехал.

— Куда бы ты подъехал? Дежурка занята, а других свободных машин нет.

— Так я бы сам на общественном...

— На каком общественном? Знаешь, где Войнова убили?

— Где?

— В Слáвковичах!

— В Славковичах? Это же в сотне верст от города.

— Все правильно. Сам ты туда не доберешься! — Веня схватил со стола несколько салфеток, обернул ими две оставшиеся на тарелке Зверева оладьи и вышел из-за стола. — Поэтому поехали, доешь свои оладьи по дороге!

Все вокруг словно застыли, и, прежде чем Зверев попробовал что-то возразить, Костин, прижимая к бедру санитарную сумку, уже двинулся к выходу.

— Вот же засранец... — процедил сквозь зубы майор.

Этим вечером у него и в самом деле была назначена встреча с одной хорошенькой особой

по имени Юлиана — довольно миленькой брюнеткой со стрижкой гарсон и чудными пухлыми губками. Именно поэтому Зверев в этот момент и в самом деле немного злился. Тем не менее он встал и двинулся вслед за Веней. Когда Зверев вышел из столовой, в обеденном зале все еще царила гробовая тишина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВОЙНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дорога виляла между холмами. Зверев, надвинув на лицо кепку, сидел у окна и клевал носом. За спиной майора сидели эксперт псковского управления милиции Леня Мокришин и кинолог Геннадий Логвин. Справа от Логвина в проходе на полу автобусного салона устроилась служебная овчарка оперативного отдела по кличке Бармалей. Также в автобусе помимо водителя ехали опера: Костин, Горохов и Евсеев.

Руководителем оперативно-следственной группы являлся старший следователь Виктор Константинович Кравцов, он сидел как раз за креслом водителя, тяжело сопел, что-то бурчал и постоянно поправлял очки. Время от времени Зверев открывал глаза и из-под козырька наблюдал за Кравцовым. То, что плохое настроение старшего следователя вызвано его присутствием, Зверев прекрасно понимал и втайне радовался этому. Всякий раз, когда начальник

псковской милиции полковник Корнев требовал привлечь Зверева к тому или иному расследованию, Кравцов этому противился и не годовал. Ведь непосредственное участие Зверя в группе определенно подрывало авторитет Кравцова и, безусловно, мешало старшему следователю вести дело так, как ему хотелось бы. Слишком уж своенравным и беспринципным, по мнению Кравцова, был Пашка Зверев, которого в управлении псковской милиции почти все за глаза называли Зверем.

Почетное место справа от Зверева, разумеется, как всегда, занял неизменный помощник и любимец легендарного майора старший лейтенант Костин. Веня уже доел купленные Зверевым в столовке оладушки, кусал губы и постукивал пальцами по лежавшему у него на коленях футляру, в котором находился старый морской бинокль. Веня — истинный крымчанин и уроженец города Керчи — в годы войны служил в морской пехоте и называл род войск, к которому себя причислял, не иначе как «полосатым десантом».

Когда автобус, везущий опергруппу, миновал развилку, Костин как будто что-то вспомнил и вынул из нагрудного кармана газету.

— Ах да, смотрите, что я нашел! — обратился он к Звереву и стал читать вслух заметку из местной газеты. Все тут же уставились на Веню.

Статья, которую Веня где-то раздобыл перед самой поездкой, была полугодовой давности, но у большинства сидящих в автобусе она вызвала определенный интерес. Заметка была посвящена биографии и деятельности убитого накануне Войнова, кроме того, под заметкой было опубликовано фото самого второго секретаря — молоджавого темноволосого мужчины средних лет.

— «Михаил Андреевич Войнов родился в тысяча девятьсот двенадцатом году в селе Славковичи Псковской губернии, в семье столяра. После окончания школы перебрался в Псков, с тридцать первого по тридцать шестой служил в Красной армии в артиллерийском полку. После демобилизации работал старшим кладовщиком на фабрике «Шпагат», в июне сорок первого ушел добровольцем на фронт. Воевал на Северо-Западном и первом Белорусском фронте, дошел до Берлина, был дважды ранен, награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. В сорок третьем Войнов вступил в ВКП(б) и прошел путь от рядового-стрелка до командира сорокапятимиллиметрового орудия, получив звание старшего сержанта. После возвращения в родной Псков перешел на партийную работу, пройдя путь от инструктора до второго секретаря Псковского

горкома партии», — закончив читать, Костин сунул газету в нагрудный карман и дернул Зверева за рукав. — Ну что, Пал Василич, что думаешь на этот счет? Неужели диверсия?

— А я откуда знаю? Приедем на место, тогда будем наработывать версии.

Костин махнул рукой, снова вытащил из кармана газету, повернулся к сидевшему за его спиной Лене и попытался что-то ему сказать, но тот тут же замахал руками.

— Отстань! Уж больно много суетишься.

— Так как же?

Леня отвернулся и по примеру Зверева надвинул на нос шляпу. Веня обиженно скривился, убрал газету и, достав бинокль, принялся через него изучать окружавший их ландшафт.

Когда они миновали Крюково и автобус свернул на грунтовку, полил дождь. Мокришин и Логвин переглянулись.

— Ну все, пиши пропало, все следы смочет, — покачав головой, заявил эксперт.

— Дождь вроде несильный, может, обойдется, — попытался успокоить товарища Логвин, однако по его лицу было видно, что он тоже не особо верит в сказанное.

— А это все потому, что кто-то во внеурочное время пошел в столовую и никого не преду-

предил, — впервые за всю поездку подал голос Кравцов.

Зверев, безропотно приняв «камень в свой огород», хмыкнул и тут же отметил про себя: «Наверно, старею...»

В былые времена Зверев бы не простил такое ни Кравцову, ни еще кому-либо, однако в последнее время он отмечал про себя, что стал более сдержанным. «И, разумеется, мудрею...» — успокоил себя сыщик. Рассуждая о случившемся, Зверев в самом деле задремал и очнулся ото сна, когда Костин в очередной раз дернул его за рукав.

Автобус въехал в деревню. Водитель Гриша Панюшкин остановился возле ближайшей хаты, вошел во двор и поинтересовался, где дом Войнова. Спустя несколько минут, когда Гриша доставил всех до конечного пункта назначения, прибывшие стали выходить из автобуса. Дождь все еще накрапывал, на горизонте появилась радуга. Зверев тоже вышел из автобуса и огляделся: «Посмотрим, как живут вторые секретари райкома».

Добротный дом был окружен невысоким плетеным забором и мало чем отличался от прочих домов. Резные ставни, высокое крыльцо, крыша из потемневшей от времени липовой дранки; посреди двора между сараем и поко-

сившейся времянкой был установлен срубовой колодец с вóротом и двускатной крышей. Когда Зверев открыл калитку и очутился во дворе, на крыльце появился скуластый, среднего роста паренек в синей милицейской форме.

— Вы из районного управления? Моя фамилия Ломтев... младший сержант Ломтев. — Парень козырнул Звереву.

— Майор Зверев, — представился тот. — Ты местный участковый?

— Участковый у нас капитан Пчелкин, а я его помощник.

— А сам участковый где?

— У себя дома, где ж ему быть? У Пчелкина хата на дальнем краю села. Я за ним, как только ваш автобус увидал, тут же Егорку послал. Егорка — это соседский малец, он у нас прыткий, так что скоро Пчелкин подойдет, не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь. Где труп?

Ломтев подозвал гостя к колодцу и указал на лежавшее на земле тело, прикрытое большим куском брезента.

— Наш местный фельдшер засвидетельствовал факт смерти, а Пчелкин сказал пока ничего не трогать. Оставил меня здесь и пошел на главпочтамт вам звонить.

— А потом твой Пчелкин домой пошел?

— Ну, нет, сначала сюда вернулся, осмотрел все, ну а потом ушел. А чего ему здесь столько времени торчать, тем более что у него жена приболела.

— Ясно.

Зверев приподнял брезент и взглянул на труп.

Убитый был бледен, лицо исказила гримаса боли. Во всем остальном второй секретарь псковского горкома партии полностью походил на свое фото, которое было опубликовано в найденной Костиным газете. Чуть меньше сорока, правильные черты лица, тонкие темные усики, выгнутые дугой брови. Зверев потянул брезент и увидел два кровавых пятна.

Сыщик повернулся к прибывшим коллегам и помахал рукой.

— Приступайте, — распорядился Зверев и отвел в сторону Ломтева. — Ну, рассказывай, что да как! Мне доложили, что есть свидетели.

Младший сержант закивал.

— Файка все видела, Войнова же прямо у нее на глазах застрелили. Файка — это Фаина Истомина, их соседка. Она вон в той хате живет. — Ломтев указал на один из домов.

Зверев тут же поманил Костина рукой.

— Слышал? Давай-ка сюда эту Файку.

Пока Веня ходил за свидетельницей, Зверев курил, прикрывая папиросу ладонью, так как дождь еще накрапывал.

— А народец у вас тут не особо любопытный. Все по домам сидят, — отметил между делом майор.

— Так разошлись уже, много же времени прошло. Пчелкин как увидел, что здесь едва ли не полсела собралось, всех разогнал!

— И все его тут же послушали? — усомнился Зверев.

— А то как же? Он у нас мужик суровый.

Спустя пять минут Веня вернулся с круглолицей грудастой бабой лет сорока, облаченной в цветастый халат и с синей косынкой на голове. Когда та вошла во двор, испуганно озираясь, Зверев подозвал женщину к себе.

— Здравствуйте, моя фамилия Зверев, а вас Фаиной зовут?

— Фаина... Фаина Истомина...

— А по батюшке?

— Фаина Мироновна, — глядя, как Леня Мокришин осматривает раны убитого, женщина поморщилась и перекрестилась.

— Расскажите мне, Фаина Мироновна, подробно, что здесь произошло?

Истомина еще раз перекрестилась и затараторила:

— Так по утрани дело-то было. Я как Зорьку свою подоила — Зорька — это, стало быть, корова моя, — так сразу к Войнову и пошла. У меня Михал Андреич молоко покупает, вот я и пошла. У них-то ведь своей скотины нет, а молочко Михал Андреич свеженькое любит попить. Вот я ему всякий раз, когда он из города приезжает, молочко и таскаю. А чего не таскать? Зорька наша, она молока много дает. Нам хватает и еще остается. Не то что Люська. Люська — это наша прежняя корова...

— Давайте по делу, гражданочка! — перебил Зверев. — Про Люську и Зорьку мы с вами как-нибудь в другой раз поговорим, а сейчас давайте уж про Войнова!

Файка закивала.

— Ну да, ну да. Так вот про Войнова! Мишка Войнов сам-то из местных, это теперь он у нас не живет. Они ведь у нас теперь люди городские, Зоя Павловна, стало быть, это жена его, всегда городской была, а сам Войнов, он ведь, как я уже говорила, из местных. За последние годы большим человеком стал. У нас даже в клубе его фотографии висят...

— А Войнов часто сюда приезжает? — снова перебил Зверев свидетельницу.

— Да нет. Ну раз, ну два за сезон.

— Один приезжает?